

Правил июль – подавал жару, давил духотой. Застоявшийся раскалённый воздух гудел, как высоковольтные провода. Дачники спали всласть. Кто вставал раньше, так это мальчишки – потаскать окуньков-полосатиков в ещё клубившейся белёсым туманом речке, змеиным изгибом касавшейся посёлка, да ягодники – в ближнем лесу набрать литр-два земляники с черникой. Были ещё охотники за ровным бронзовым загаром – любители погреться на солнце, поутру ещё ласковым и безопасным. Вот и получалось, что самое движение на дачах происходило утром, до полудня, и вечером, до которого нужно было ещё дожидаться.

Не обедалось. Павел обошёлся немудрёным бутербродом, запил холодной водой – в это пекло пьёшь без меры. Квас – на вечер, на окрошку. Пиво – оно бы «под баньку», но в такую погоду баня не в милости, как и спиртное. Спасала вода: здешняя, из скважины, чистая как слеза – пил бы и пил! Ломтиком колбасы угостил Бонку – двухлетнего спаниеля угольно-чёрного окраса с тёмно-карими печальными глазами. Уговаривать не пришлось – проглотила, будто ничего и не было. Глаза собаки повеселели и преданно смотрели на хозяина – отрезал ещё.

В свои шестьдесят, выйдя на «заслуженный отдых» и будучи человеком разносторонним, Павел вдруг обнаружил в себе страстное желание к литературству. Говорят – получалось, даже имел несколько публикаций своих рассказов в «толстяках» – литературных журналах. Спасибо жене – при возможности не привлекала мужа к домашним делам, когда его посещало вдохновение; она же была его первым читателем и критиком. «Уж лучше бы ты пил!» – отшучивалась, когда Павел, как всегда не вовремя, приставал с просьбами прочесть что-то «новенькое из своего».

Сегодня не писалось. Рассказ «не шёл» дальше второй страницы: мысли путались, нужные слова терялись в тяжёлой голове.

«Ташкент! И когда же это всё закончится?»

Прилёт. Древний диван коричневой, некогда гладкой кожи с потемневшими медными гвоздиками, оставленный прежними хозяевами дома, был жестковат, но просторен. Пробежался взглядом по заголовкам газеты, прихваченной с собой из города, – ничего занимательного. Полистал «Огонёк» за шестидесятые годы – несколько журналов нашлись на чердаке. Не потерявшие глянец страницы были приятны на ощупь, здесь было поинтересней, чем в их городской вчерашней вечерке: дифирамбы кукурузной кампании Хрущёва, кубинская революция – молодые Кастро и Гевара, знаменательный групповой полёт Терешковой и Быковского – «Чайки» и «Ястреба».

Вдруг – ура! – дождь! Хлынул ливнем, долгожданный, крупный, звонко отстукивал морзянку по металлическому подоконнику, потоком стекал по стеклу. Павел распахнул настежь форточку – дождь бесцеремонно обрызгал его, но был тут же прощён. «Наконец-то прорвало! Разверзлись хляби небесные».

Громыкнуло, ещё и ещё. Вот, прямо над крышей. Коротко, сухо, с треском. «Свят-свят!» – Павел перекрестился: быстро, мелко, не со страха, больше по обычаю. Вдохнул полной грудью посвежевший воздух. Отключил телевизор от антенны. Вновь прилёт. Потянулся во весь рост, улыбнулся дождю и, заложив руки под голову, незаметно для себя заснул. Рядом, на коврике, удобно устроилась Бонка, устало зевнула и с большим желанием поддержала хозяина.

Глаза открыл с трудом – так разоспался. Бонка, привстав на задние лапы, облизывала шершавым языком его мочку уха, поскуливала. Часы показывали без малого половину шестого. Вечерело...

* * *

– Бонка, гулять!

Услышав любимую команду, собака тотчас исчезла в густом папоротнике.

В лесу парило. Воздух был тягучий, ароматный, банный. С густых взъерошенных верхушек буро-красных сосен нет-нет да и капали дождинки-последыши – несколько попали Павлу за ворот футболки, тёплой струйкой стекли по взмокшему телу. Павел шёл знакомой тропинкой, ещё не высохшей после дождя, мягкой от пожухлых иголок и шишек, часто переступал через оголённые корни сосен, извивающиеся под ногами. Сосны, будто бы старшие сёстры, бережно прикрывали приземистый подлесок от зноя. Рябили редкие берёзы: разбрелись по сосняку – девчонки девчонками! Загрёшь, прислушаешься и услышишь, как перекрикиваются друг с другом, аукаются: «Ау-у, ау-у!» Лёгкие ветви девичьей косой спускались к земле, нижние – чуть не касались её; под покровом сосен листья оставались свежими, липли к пальцам. «Ах, невестушки мои, нарядились». – Павлу вспомнился Шукшин, его «Калина красная»; он свернул к ближайшей берёзке, нежно погладил её гладкий, с глянцем ствол – и за Василия Макаровича тоже...

Бонка резвилась. Она то пропадала в высокой влажной траве, оставляя за собой шлейф сверкающего жемчуга – остатка дождя, то выскакивала на тропинку – увидеть хозяина, и тут же исчезала. На сто метров прогулочного шага Павла Бонка отвечала километром резвого бега. Её длинные кучерявые уши крыльями развивались по сторонам, были густо облеплены цепким репейником, глаза блестели охотничьим азартом. Вот она подняла из-под папоротника какую-то заспавшуюся пичугу, едва не попавшую в лапы непрошеной гостьи, вот уже гонится за стрекозой, возбуждённая её недоступностью и стрекотом перламутровых крыльев. Шальная!

– Бонка, ко мне! – И спаниель уже угощается пригоршней земляники, пропеллером крутит хвостом.

Тропинка привела на высокий крутой склон к реке. В нескольких метрах от края склона за мольбертом работал художник – высокий мужчина в белой широкополой шляпе. Павел свернул с тропки, подошёл – тихо, со спины, остановился в паре-тройке метров. Холст оказался пуст, лишь несколько лёгких штрихов. Художник в пол-оборота повернулся к Павлу.

– Добрый день!

Художник ограничился учтивым кивком.

Побродив в бору, Павел возвращался на дачу. Мольберт стоял на том же месте, рядом – термос, на термосе – шляпа, тут же сушился ярко-радужный пляжный зонт. Художник сидел на раскладном стуле сбоку от мольберта, на шаг впереди него: откинувшись на спинку стула, скрестив на груди руки, он смотрел на открывающийся с откоса вид – сосредоточенно, вприщур.

За склоном расстился пейзаж, достойный кисти художника. К откосу прижималась река – спокойная, покладистая. Сразу и не поймёшь, течёт она или решила передохнуть, да и заснула. Река нежилась в широких лугах, утоливших жажду, встрепенувшихся, разделяла низину пополам и зеркальной дорогой уходила к горизонту. Пестрели луговые цветы: то плотным кругом – дружной весёлой семьёй, то щедрой – с размахом, россыпью. Всё это великолепие заключили в объятия горы, пологие, ошестинившиеся густым ельником. Тайга зелёным каскадом спускалась в долину, оберегала от чужаков.

Что-то заставило Павла вновь подойти к художнику. Этуод был без малейших изменений...

Художник подобрался:

– А, это вы. – Голос у него был спокойный, приветливый, сказано без обиды за беспокойство, как давнему знакомому. Взгляд цепкий, пронизательный, но не злой. Секунду-другую смотрел на Павла – внимательно, не моргая. «Максимальную выдержку установил, как в фотоаппарате – подумал Павел. – Глубоко смотрит, до нутра, точно на атомы раскладывает».

Незнакомец показался Павлу несколько старше, чем он сам. Седые волосы. Тщательно выбритое загорелое лицо с ямочкой на крепком, чуть выступающем подбородке. Мускулистые руки. Весь вид этого человека говорил об уверенности в себе, волевой натуре. «Если бы не его толстовка, то ковбой ковбоем!»

– Не пишется? – Павел кивком головы указал на холст.

– Почему, уже написал.

– ?

– Всё уже здесь. – Художник слегка постучал пальцем себя по голове. – Закончу в мастерской.

– Сфотографировали?

– Проглотил, – чуть заметная улыбка скользнула по красивому лицу. – Нет, не признаю я это дело. При всём уважении к фотографическому искусству, скажу следующее. Фотоаппарат, конечно, величайшее достояние человечества. Снимай – не хочу: влево – вправо, дальше – ближе. Удобно и быстро; сам иногда люблю пощёлкать. Но... – Художник вновь повернулся лицом к панораме, задумался: – фотография, на мой взгляд, не может передать изображение в той степени, как это может живопись: объёмность, глубину, запахи и ароматы, тепло красок, их осязаемость. Наконец, душу предмета изображения, настроение автора, его внутреннее состояние. Картину ТВОРИШЬ! С ней от чистого холста до кажущегося тебе совершенства, ан нет, проходит время, и понимаешь, что до этого самого совершенства – думать и думать, пахать и пахать! Над картиной можно работать месяц, год, всю жизнь! Можно приостановиться, убрать холст с глаз долой, додумать сюжет, детали и нюансы будущего полотна. И когда перемелешь всё в голове, пропустишь через это – художник указал на сердце – вновь возвращаешься к начатому. А можно убить её – изрезать в клочья, сжечь...

Художник замолчал, перевёл дыхание: – Что-то я так разошёлся не по делу! – Он по-доброму улыбнулся, чуть откинул голову назад.

Павел молчал. Такой реакции на свой вопрос, такого вдохновенного откровения он никак не ожидал. Вдруг ему стало не по себе: в этом одержимом, убелённом сединой человеке он вдруг увидел не кого иного, как посланника Всевышнего на Земле, которому надлежало обновить сотворённый миллиарды лет тому назад мир, привести его к первоначальной гармонии. Но кисть посланца была чиста.

– Хорошо-то как, хо-ро-шо: красота, покой и равновесие. И поправлять здесь ничего не нужно...

Незнакомец читал мысли Павла.

А ведь, действительно, – хорошо! И благодаришь творца этой красоты, радуешься ей, вдыхаешь её полной грудью и осознаёшь,ходишь до мысли, что ты существуешь, ты – ЖИВЁШЬ! Как же мы привыкли к суете сует, повседневному круговороту проблем, смотреть себе под ноги, не замечая, игнорируя красоту – истинную, первозданную. Черствеем сердцем, болеем душой, погибаем... Учёба, карьера, квартира, дети-внуки, машина-дача, квартиры для детей, друзья, половина из которых и не друзья вовсе, а так, попутчики... А сколько в нашей жизни чего-то мелкого на поверку, наносного – на что тратишь своё драгоценное безвозвратное время, прогибаясь под моду, устраивая пляски вокруг золотого тельца...

Павел отдавал себе вполне ясный отчёт в том, что и сегодня прошёл бы мимо этой благодати, не остановился, не повстречав... Мастера?.. Уже давно порадовался бы холодной крошечке, под которую, скорее всего, выпил рюмку-другую «самиздатовской» рябиновки. Покорпел над своей писаниной, в общем-то, не нужной никому, кроме него самого. Потолковали бы с соседом о международном положении, кознях так называемых «наших партнёров», в сердцах, как пить дать, матюгнулись в их адрес.

И так захотелось Павлу оторваться от земли, взвиться в эту необыкновенную искрящуюся прозрачность, упиваться ею, стать её крохотной частичкой! И защитить эту красоту, уберечь – от людей и для людей...

– Да-да, вы правы, так и хочется закричать во всё горло: «Руками не трогать!»

И опять Павел был поражён пронизательностью незнакомца.

– А вот сейчас начнётся самое интересное... – Художник протёр очки, сел удобнее, подался вперёд. Всем своим видом он как бы приглашал Павла на просмотр своего любимого фильма, который сам смотрел не раз.

Золотисто-розовое солнце спустилось к облакам, парящим белыми перьями над горизонтом. Уставшее за долгий день, собралось с силами, зарделось, подпалило небесную перину. Небосклон блеснул розовым, завязался малиновым. Горящий диск играючи прожёт облака, и лес вспыхнул, занялся верховым пожаром – яростным, на полнеба.

Живописец встал, прищурился на зарево, напрягся. Ноздри его шевелились, улавливая мягкие ароматы вечера. Павлу показалось, что живописец сейчас, на его глазах, создаёт своё лучшее полотно: смешивает краски на невидимой палитре, не скупясь на самые яркие, точными, щедрыми мазками одаривает бескрайний холст.

Вот и река взялась огнём – смотри, закипит! Алый горячий полукруг завис над горизонтом – секунда, и солнце рухнуло в пожарище, подняв в небо сноп золотых искр. Заря медленно гасла.

– The end, – прокомментировал художник, последним мазком незримой кисти зажигая на тёмно-голубом небе яркую, сияющую серебром звезду. Он отступил назад, будто хотел убедиться в безупречности своей работы.

Бонка ловко выгрызала репей из высохшей шерсти, нет-нет да и поднимала голову, чтобы увидеть хозяина.

Мужчина повернулся к Павлу, улыбнулся:

– Да, к справке, Аркадий Ильин – заслуженный и всё такое... (Конечно же, автор не мог оставить холст без своей подписи...)

– Павел Мальцев – ещё нет, но надеюсь.

Оба рассмеялись. Крепко пожав друг другу руки, маститый художник и начинающий писатель расстались как старые добрые друзья. Одухотворённые и счастливые.

* * *

Зима не мешкала – нарушив очерёдность, уже в середине ноября взяла в оборот: привалила снегом, попробовала морозцем и не обещала поблажки. Минувшее тягостное знойное лето сейчас казалось благодатным и желанным – ох уж эти люди, поди, угоди им!

Павел продолжал работу над будущей книгой; Бонка, готовилась стать мамой.

Как-то Павла пригласили на юбилей одного из друзей. Юбилей – дело не простое: подобрать подарок, принарядиться, подготовить спич. Поздравления ему удавались, тем более, когда для друзей, от души.

На банкете, дождавшись своей очереди и получив микрофон, Павел вдруг увидел... Обёрнутая прозрачным целлофаном картина стояла на столике для цветов и подарков – этот пейзаж он узнал бы из тысячи! Павел спутался, смутился, говорил «мимо» юбиляра и не мог оторвать глаз от картины...

– Откуда она у тебя? – при первой возможности поинтересовался он у виновника торжества, не скрывая своего волнения.

– Аркадий подарил. Ильин. Художник. Заслуженный и всё такое (Павел слегка улыбнулся краешками губ). Не пришёл – простудился на пленэре, где-то за городом в карандаше этюды набрасывал, неугомонный! А картину через нарочного передал. Запакованная, но я уже вижу – шедевр! Второй Шишкин, без малого!

Хозяин вечера намеревался оставить Павла, но тот не отпускал его от себя:

– Ты знаком с Ильиным?..

– С детства дружны: в коммуналке в одной ванне мылись, на одних улицах собакам хвосты крутили, за девчонками бегали. А потом разбросало нас кого куда, но связь с ним не потеряли. А что такое?

– А такое, что картину эту мы с Ильиным вместе писали! – Павел по-дружески приобнял за плечо юбиляра и вкратце рассказал о встрече с художником.

Забыв о торжестве, двое мужчин молча стояли перед распакованной картиной. Вокруг них собирались гости.

А в это время по завьюженным окраинам вечернего города спешил молодой Новый год...